

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.4.16

EDN: VUIDOA

И ЕЩЁ РАЗ ПРО ОБРАЗОВАНИЕ...

**Рецензия на книгу Г. Ю. Любарского
«Образование будущего. Университетский
миф и структура мнений об образовании
XXI века»¹**

Аблажей Анатолий Михайлович¹

---

¹ Институт философии и права Сибирского отделения
РАН, Новосибирск, Россия

---

¹ Любарский Г. Ю. Образование будущего. Университетский миф и структура мнений об образовании XXI века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 526 с.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные проблемы современного этапа развития образования, поднятые в книге Г. Ю. Любарского. Прежде всего речь идёт о представлениях, если не мифах, массового сознания об образовании, которые зачастую не соответствуют действительности. В современном обществе, и российское здесь не исключение, образование, в том числе высшее, по сути, исчезло. Сохранились лишь его формальные институты. Среди причин – всё более фрагментарный характер получаемых знаний, превращение самого процесса образования в развлечение, поскольку оно сегодня должно быть в первую очередь интересным. Характеризуя сферу научных исследований, автор книги приходит к выводу, что пресловутая медийность и здесь играет свою отрицательную роль, разрывая единое поле науки на части и затрудняя научный поиск в тех областях и дисциплинах, которые не обещают быстрого медийного или коммерческого эффекта. Наука стала лишь одним из способов интеллектуального производства, но принять эту новую реальность готовы отнюдь не все. Эрозии подверглась и роль университета как института трансляции культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

общее образование, высшее образование, наука, институты, перспективы, медийность, фрагментарность, университетская идея

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Аблажей А. М. И ещё раз про образование... Рецензия на книгу Г. Ю. Любарского «Образование будущего. Университетский миф и структура мнений об образовании XXI века» // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 4. С. 247–254. DOI 10.19181/sntp.2022.4.4.16. EDN VUIDOA

Прежде чем переходить, собственно, к книге, несколько слов об авторе. Георгий Любарский – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского зоологического музея биофака МГУ им. М.В. Ломоносова. Если посмотреть список его работ, то да, действительно, большинство из них – по биологии. Но интересы автора на самом деле гораздо шире – будучи также сотрудником ВЦИОМа, он отнюдь не чужд социологии, а также вопросов развития образования – как школьного, так и высшего, роли и места науки в современном мире, что ярко проявилось и в той работе, о которой пойдёт речь.

Говорить мы будем преимущественно о первой части книги, получившей название «Старое платье короля», поскольку именно там автор делится с читателем своими мыслями и идеями, так или иначе связанными с историей и перспективами университетского образования и науки в современном мире. Вторая часть – «Новый наряд Гутенберга» – является буквальным (по словам самого автора) воспроизведением уже издававшейся в 2015 г. работы и представляет собой изложение результатов качественного исследования содержания блогов из «Живого журнала», посвящённых в основном школьному образованию. Для нас же в данном случае интерес представляли в первую очередь те фрагменты, которые касались высшей школы. К тому же, по признанию самого автора, во второй части книги его собственные позиции «свёрнуты».

И ещё одно предварительное замечание. Рецензируемая книга не вполне обычна. Здесь вы не найдёте привычного для научной публикации обилия цитат и названий работ предшественников. Перед нами – размышления, доверительный разговор эрудированного равнодушного автора с заинтересованным читателем. А таких очень и очень много – кто сегодня не интересуется образованием и не считает себя в нём хоть немного специалистом?

В начале своих рассуждений автор вносит лепту в старый как мир спор – чему учить и как учить, говоря при этом почти исключительно о школьном образовании, которое он условно делит на два, казалось бы, взаимоисключающих направления: образование «1» – «для себя» и образование «2» – «для общества и государства». Дальнейшие рассуждения сводятся к тому, что критерий практичности – в смысле полезности (в авторской стилистике – «пригодности») получаемых знаний – в случае с образованием не всегда применим, поскольку здесь главное – научить учиться, получать знания в будущем по мере необходимости. (Помнится, крупнейший отечественный историк и археограф, будущий академик Н. Н. Покровский также любил повторять, что главная задача университета – «научить вас читать книги»). Попутно автор вводит и критерий образованности: «Только однотипность и связность, только наши ожидания, что раз он говорит «вот это», то, следовательно, он знает и «вон то» – только это является критерием образования. Прочее называется иными словами – человек имеет специальные знания, достаточные для такой-то деятельности, имеет хобби и проч. Но это не образование». Другим, не менее важным критерием образованности

служит «взаимная *договоропригодность* в обществе [и она] обеспечивается наличием образования... Если образования нет, общество – это среда манипуляций и средств подавления. Образование есть, [и тогда] возможны договоры, рациональные объяснения, прозрачность относительно мотивов и соглашения о действиях». Другими словами, по мысли автора, наличие всеобщего, как минимум среднего, образования – залог успешности общественного договора.

Вслед за этими в общем-то вполне традиционными рассуждениями автор делает крайне тревожное заявление: по его мнению, описанные выше критерии образованности уже не работают: «в современной ситуации “эффективных знаний”... невозможно знать, какие провалы знаний имеются у собеседника». В основе нового способа получения информации о мире, по мнению автора, лежат масс-медиа, что даёт основания ввести понятие «медиа-знания». Описывая специфику нового типа знания, Г. Любарский сравнивает его с научным: «Фундаментальные понятия науки имеют “качественное” устройство, потому что созданы для понимания. По мере утраты навыков рациональности будут появляться понятия, сделанные по лекалам мира медиа, тем самым знание будет в самом деле точным, количественным и бессмысленным. Оно будет не нужно и не приложимо ни для каких задач, кроме весьма искусственно выстроенных внутри таким образом сделанного медиа-знания». Продолжая данную линию рассуждения, автор книги приходит к неутешительному выводу о том, что в силу различных причин, среди которых ведущую роль играют «значительное увеличение потока поступающей информации» и «потеря социальной значимости образования», в современной России «образование исчезло. Формально образовательные институты сохраняются и функционируют, но в обществе не является более существенным деление на образованных и необразованных. Сохраняется лишь деление ситуаций».

Автор вносит свою лепту и в ставшую сегодня крайне актуальной дискуссию о цифровом формате передачи знания. В то время как целый ряд администраторов от образования ратуют за ускоренный переход в онлайн-режим проведения занятий, Г. Любарский настаивает на том, что он представляет собой ещё один, и весьма эффективный, способ облегчить жизнь нерадивым учащимся и затруднить процесс образования для старательных: «онлайн-образование предоставляет свободу, затрудняющую обучение для лучших и облегчающую не-обучение для худших... прежде образование было “трудным”, его в первую очередь характеризовали через слова, описывающие труд, а сейчас всё чаще первое, что говорят об образовании, – “интересное”». В результате образование становится «сферой развлечения и отдыха. Учиться надо, играя и развлекаясь, так, чтобы было интересно, – таков общий настрой. Разумеется, у такого образования иные мотивации, чем у прежнего, и совсем другие результаты».

Переходя к сфере науки, автор подчёркивает, что здесь влияние медиа-сферы также скорее пагубно, чем полезно. По его мнению, «поле науки, к которому подключены медиа, становится менее разнообразным, фронт наук разрывается на отдельные участки, проекты». В результате те сферы и направления, где не ожидаются быстрые результаты, оказываются в проигрышном положении, а «находящееся между горячими точками внимания постепенно

гибнет, поскольку не привлекает внимания. Туда не поступают инвестиции, не идут молодые исследователи». Пресловутая «медийность», которая отрицает, по сути, необходимость тех знаний, которые «сейчас не актуальны и не дают быстрого эффекта», выступает всё более значимым фактором не только внешне-, но и «внутринаучной деятельности, наряду с востребованностью и практической важностью темы или обилием грантов». В итоге всё меньше внимания уделяется фундаментальным исследованиям, без которых невозможно решить «интересные задачи в будущем». (От себя добавим, что такого рода опасность хорошо осознают руководители академических институтов. Проведённые нами в научных центрах СО РАН исследования показали, что в большинстве институтов дирекции предпринимают особые усилия для того, чтобы менее востребованные потребителями научной продукции фундаментальные направления исследований не оказались в ущемлённом положении по сравнению с прикладными и продолжали развиваться.)

Ещё одна важная проблема, поднятая автором книги, – автономия науки. Задача её сохранения осложняется теми обстоятельствами, что «управляющие воздействия – из бюрократизирующего мира правовых отношений», соображения эффективности – из мира экономики, требования сенсационности и новизны – из мира медиа, понижая степень автономности науки, тем не менее, крайне важны для неё, поскольку именно они создают из науки «производящую силу, включают её в экономику». Но ставшие в современных условиях реальностью чрезмерная бюрократизация, равно как и коммерциализация, помноженные на сиюминутную актуальность, вредны для науки, поскольку искажают саму её суть как социального института, призванного, говоря словами автора, «открывать истину». Существовавший доселе баланс этих разнонаправленных влияний сегодня оказался нарушен, что ставит под сомнение возможность науки заниматься своим истинным предназначением.

Чрезвычайно важную роль играет также то обстоятельство, что наука уходит из центра культуры, лишаясь той роли, которую она играла в духовной жизни общества несколько столетий. Автор описывает последствия этого процесса очень эмоционально: «Наука не стала “менее истинной”, но если в XIX веке передовые молодые люди бросались в неё, как в прорубь, надеясь отыскать ответы на самые жгучие вопросы, то сейчас такое поведение почти непредставимо, это случается весьма редко. Наука стала местом нормальной работы и нормальной карьеры, а если какие-то молодые люди одержимы желанием отыскать истину – их ждут духовные поиски, скорее всего, вне науки». Наука стала лишь одним из способов интеллектуального производства, но принять эту новую реальность готовы отнюдь не все.

Переходя к описанию проблем, характерных сегодня для высшей ступени образования, автор начинает с феномена массовизации. Согласно рассуждениям Г. Любарского, мы являемся свидетелями драматического противостояния разнонаправленных тенденций: с одной стороны, широкая публика требует демократизировать высшее образование, сделав его доступным для многих, если не для всех, с другой – сохранить качество, что крайне затруднительно в современных условиях. Автор же уверен, что подобный синтез невозможен в принципе: процесс получения образования в высшей

школе, становясь «массовым, демократизируется – и теряет в качестве... процесс “массового высшего” образования приводит опять ко “всеобщему” равенству, но, разумеется, лишь формально. На деле выделяются, с одной стороны, “настоящее” высшее образование – и *массовое* высшее, для всех» [курсив мой. – А. А.]. В результате современное государство, и российское здесь отнюдь не исключение, оказывается перед нелёгким выбором – стремясь к демократическому и всеобщему образованию, приходится снижать его уровень. И наоборот, чтобы «поднять уровень образования, приходится отказываться от всеобщей доступности».

Аналогичную объяснительную схему автор использует, описывая эволюцию университетской идеи, оперируя в данном случае понятиями свободы и автономии. Идея «нового» университета, по его мнению, заключалась в обмене университетской автономии на свободу научного поиска: «отдать университеты во власть государства, и тем самым избавить университет от хозяйственных забот, пресечь склоки профессоров, передав вопросы назначения новых членов корпорации в руки государственных чиновников, и оставив профессорам только собственно учебный процесс». Логика рассуждений сводится далее к тому, что «университет расплачивается своей собственностью и автономией, и именно такое урезание свобод ведёт к увеличению свободы, [поскольку] доходы в области культуры являются *дарами* из других общественных сфер. Культурная сфера не должна торговать своими услугами, она должна получать необходимые средства в дар – и *даром* создавать для общества культурных людей» (курсив мой. – А. А.). По мнению многих экспертов, сегодня мы становимся свидетелями процесса противоположной направленности – коммерциализация университета, ускоренное превращение знания в товар, а образования – в сферу услуг, радикальным образом меняет суть высшей школы как общественного института, который лишается свободы и покидает область культуры.

В данном контексте важное значение имеет описываемый автором феномен немецкого исследовательского университета – университета Гумбольдта. По мысли автора, сила классического немецкого университета заключалась как в том, что он, выполняя в первую очередь культуртрегерские функции, становился благодаря этому и важнейшим местом науки: «Цель образования в немецком типе была удивительной: создание учёного. Этот учёный мог работать на государственной службе, но чаще оставался в университете или в исследовательском институте. То есть немецкий университет является ярким примером именно культурно обусловленного типа высшего образования, который в силу условий времени искажён государственным влиянием; этот культурный тип существовал под государственным контролем до тех пор, пока государство не стало жёстче контролировать университет».

Наступление эпохи массового общества и крах немецкого университета поставили глобальный вопрос – кто же будет делать науку? И это при том, что социальные преобразования начала XX в. сделали невозможной дальнейшую работу по производству учёных. Возникла парадоксальная ситуация – учёных требовалось всё больше, поскольку наука стала основой экономического и социального прогресса, наука становилась массовой профессией, а единственный институт, который мог их готовить, – немецкий классический

университет – исчезал и к середине века совсем исчез. Встал глобальный вопрос – «как создавать учёных в обществе, не ориентированном на познавательные ценности?» Вывод автора – надо было придумать новую систему высшего образования.

Эффективный рецепт нашли в Америке. Но – американский университет перестал быть университетом, поскольку в нём получают не университетское, а институтское образование. Оно подразумевает специализацию; институт как тип образования готовит специалистов для уже известных задач; это не общее образование учёного, а специализированное натаскивание на решение уже в принципе понятых задач. Таким образом, и американская университетская система не готовила учёных. Нужен был новый тип университета, который сложился в США к 1960-м годам. Эволюция университетской миссии выглядит следующим образом: немецкий университет – «преподавание, обучение, исследование», американский университет – «обучение, исследование, государственная служба».

В результате современный американский университет играет роль культурообразующего института, это место воспитания той самой интеллектуальной элиты, которая участвует в распределении влияния и даже власти в США. Именно «в университетах происходит консолидация интеллектуальных элит для совместного предложения решений. Поэтому многие чиновники, уходя из разного уровня администраций, идут в университеты – их задача учить “своих”, выращивать основы нужного мировоззрения. Тем самым университеты играют роль узла консолидации в местной, региональной и большой политике».

Закончить краткий анализ книги Г. Любарского хотелось бы вопросом, который он задаёт читателю и самому себе в конце первой части: «Как будет выглядеть и называться социальная практика, которая сфокусирует... духовные и интеллектуальные поиски в XXI в.?» Ответ автор ожидаем: «Это нельзя “придумать”... Различив «там», в социальной жизни, следы такого общественного выбора, можно произнести это чётче, чем это пока есть в мире, можно это сформулировать и сделать более явным. Но сначала надо смотреть во множество мнений. Этому посвящена вторая часть книги, где дан именно обзор мнений по поводу образования, а не собственные мысли автора. Сразу скажу: нет, ответа мне найти не удалось. То ли его пока совсем нет, то ли материал недостаточен, то ли я не увидел. Но его пока не видно».

Статья поступила в редакцию 21.10.2022. Принята к публикации 30.11.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аблажей Анатолий Михайлович   *ablazhey@academ.org*

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

Author ID РИНЦ: 49231388

ORCID ID: 0000-0003-3693-8845

Web of Science Researcher ID: D-4506-2018

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.4.16

ONCE AGAIN OF EDUCATION...

Book review by G. Yu. Lyubarsky “Education of the Future. University Myth and the Structure of Opinions on Education in the 21st Century”

Ablazhey Anatoly¹

¹ Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article deals with the main problems of the modern stage of the development of education, raised in the book by G. Lyubarsky. First of all, we are talking about the ideas, if not myths, of the mass consciousness about education, which often do not correspond to reality. In modern society, and Russian education is no exception, education, including higher education, has essentially disappeared. Only its formal institutions survived. Among the reasons is the increasingly fragmented nature of the knowledge gained, the transformation of the very process of education into entertainment, since today it should be, first of all, interesting. Describing the field of scientific research, the author of the book comes to the conclusion that the notorious media coverage has also played its negative role here, tearing the unified field of science apart and hindering scientific research in those areas and disciplines that do not promise a quick media or commercial effect. Science has become just one of the ways of intellectual production, but not everyone is ready to accept this new reality. The role of the university as an institution for the transmission of culture has also been eroded.

Keywords: general education, higher education, science, institutions, prospects, media coverage, fragmentation, university idea

For citation: Ablazhey, A. M. (2022). Once Again of Education... Book review by G. Yu. Lyubarsky “Education of the Future. University Myth and the Structure of Opinions on Education in the 21st Century”. Science Management: Theory and Practice. Vol. 4, no. 4. P. 247–254. DOI 10.19181/smtp.2022.4.4.16

The article was submitted on 21. 10.2022. Accepted for publication 30. 11.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ablazhey Anatoly ablazhey@academ.org

Candidate of Philosophy, Leading researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Author ID РИИЦ: 49231388

ORCID ID: 0000-0003-3693-8845

Web of Science Researcher ID: D-4506-2018